

КРИТИК — ДРУГ ПОЭТА

В МИРЕ КНИГ

Пока существует художественная литература, существует и спор о критике. Ревнивый и пристрастный. Но среди всех взглядов на роль и значение критики для меня самый близкий этот: критик — друг художника. И единомышленник. Он должен радоваться успеху художника, подхватывать его слово, сливая его со своим собственным, гордо и радостно говоря соплеменникам и иностранцам: «Смотри, моя земля родила гения (или большой талант, или обещающее дарование)!». Все другие качества — требовательность, строгость, принципиальность суждений — только производные от радости и соучастия в открытии или поддержке таланта.

Об этом еще раз напомнила мне книга литовского критика Ионаса Ланкутиса «Поэтический мир Юстинаса Марцинкявичюса». Написанная сподвижником и другом, она во весь голос говорит о том, что в литовской литературе есть художник, который с полным правом может быть назван национальной гордостью. О значении творчества Ю. Марцинкявичюса в общесоюзном масштабе писали многие. Их оценки и выводы часто приводит критик. Но мне, русскому литератору, полезна книга И. Ланкутиса тем прежде всего, что открывает многие национальные особенности творчества поэта и драматурга Марцинкявичюса, о которых иноязычному исследователю судить не так просто, потому что не все переведено. Речь идет, скажем, о контексте повести «Сосна, которая смеялась» (сходные мотивы лежали в основании произведений А. Гудейтиса-Гузаявичюса, К. Саи, А. Беляускаса) или о том, что в поэме «Стена» отразилось стремление литовского искусства сблизить литературу «с мироощущением горожанина»; что путь к театру лежал, оказывается, для Марцинкявичюса через ряд инсценировок поэм; что в оригинале жанровое определение «Собора» было — «драма в 10 песнях», а не «драматическая поэма», как в русском переводе.

Важным для понимания всего комплекса идей творчества Марцинкявичюса является, например, и то, что одновременно с «Миндаугасом» писался лирический цикл, составивший потом сборник «Пылающий куст». Ведь выводы критики зависят и от такой прозаической вещи, как знание (или незнание) синхронности творческого процесса, и того, как в переводе отзываются оригинальные произведения. Так, например, «Миндаугас», написанный в 1968 году, был

прежде поставлен на сцене (в 1971 — в Латвии, в 1972 — в Куйбышев и Свердловске), а потом уже опубликован на русском языке в журнале! Мы, русские критики, как правило, имеем дело со вчерашним днем писателя, особенно если он развивается стремительно, порой — «оперегая» себя... А главное, не зная языка, разбирая книги выборочно, за переводом, так сказать, вне единого ряда их, нелегко избежать неточностей в общих выводах. Читая Ионаса Ланкутиса, я лично постоянно следил за его мыслями, проверяя свои.

В работе И. Ланкутиса, где главное внимание уделено циклу исторических драм Марцинкявичюса («Миндаугас», «Собор», «Махвидас»), тем не менее, дана полная и серьезная характеристика всего творчества выдающегося литовского поэта. Хорошо раскрывается корневой характер дарования Марцинкявичюса, масштабность его, стремление в поэме «вернуть ему (жанру — Вл. О.) классический костяк эпоса, — повернуть к большим темам народной жизни», в драме — поднять жанр до схватки больших поэтических идей, а в лирике — достичь очищения «от пустой риторики, декоративной словесной игры, туманного субъективизма, импровизаторской рыхлости». Мир творчества Марцинкявичюса удачно назван «дышащим изначальностью».

Ключом к пониманию драматической концепции истории в творчестве литовского поэта критик считает то, что для Марцинкявичюса «первопричиной и целью всего исторического процесса» стал Человек. И. Ланкутис приводит целый спектр мнений критики о «Миндаугасе», в том числе и мнений автора этих строк. Не отказываясь от собственной концепции, я тем не менее вижу теперь, что в ней недостаточное место занимала мысль о национальной миссии первого литовского великого князя. Заостряя проблему «кровавой славы» и «нравственных начал» Истории, я несколько выходил за рамки конкретно-исторических условий той далекой поры. Тактично демонстрирует И. Ланкутис и другие крайности разных концепций трактовки «Миндаугаса», все время оставаясь на позиции объективной истины, глубокого понимания сущности трагедии времени и трагедии исторической личности.

Интересной мыслью исследователя я считаю мысль о новом качестве всей литовской поэзии последних лет — «углубленные поиски причинных связей». Мне представляется, что мысль эта может быть

развита дальше — в сторону родства «эпического состояния» нашего искусства второй половины века с этими поисками. Лев Толстой называл сутью искусства не голые идеи, а «сцепления» между разными мыслями. Очевидно, зрелое слово художника тянется к выяснению «причинных связей» уже в силу закона художественности.

Панорама драматической трилогии Марцинкявичюса — Литва XIII—XVI веков — широка и многозначительна. Прав Ланкутис: «Как персонажей «Гамлета» невозможно воспринимать только как реальных исторических деятелей средневекового Датского королевства, так и проблематику «Миндаугаса» не следует связывать лишь с древней Литвой». В концепции Марцинкявичюса-художника разумная цепь истории дана как альтернатива замкнутости в сегодняшнем бытии человека и народа («мы не знаем даже, где прошлое, где будущее», — говорит Белый Летописец в «Миндаугасе»). Здесь живет мысль, актуальная и для XX столетия. Меняется только антураж, смысл истории, борьбы добра и зла остается. В «Миндаугасе» стучат мечи, в «Махвидасе» бьются идеи. Кровь льется всюду. «Соборность» народа (есть ведь и таковая ракурс в символике названия «Собора») видится художником в возвышении творческого духа нации. «Тем самым подчеркивается, — говорит критик, — что моральная сила и творческий дух как народа, так и отдельной личности поднимаются над государственностью и являются важнейшим фактором исторического развития. Марцинкявичюс рассматривает этот вопрос, опираясь на современный жизненный опыт, акцентируя роль интеллигенции в деле культурного самосознания...».

Подводя итог анализу творческого пути, И. Ланкутис считает, что главная опора творчества поэта — исторический опыт и культурные традиции литовского народа. Большой шаг современной литературы Литвы (и Марцинкявичюс — яркий ее представитель на этом пути) в создании философского и художественного синтеза, преодолевающего метод сугубо аналитического изображения действительности. Поэт своим многожанровым творчеством укрепил престиж трагического начала, вскрыл новые резервы сценической метафоричности. Марцинкявичюс оказался художником, чрезвычайно чутким к ритмам сегодняшней жизни; он «полон стремительной силы развития и обновления».

Книга Ионаса Ланкутиса — серьезный вклад в изучение творчества одного из крупных наших поэтов.

В. ОГНЕВ.

г. Москва.

Ионас Ланкутис. Поэтический мир Юстинаса Марцинкявичюса. М., «Советский писатель», 1980.

27 дек 1980

«Советская Литва»

г. Вильнюс